

викингов, несомненна. И чем продолжительнее был срок их службы, а он нередко превращался в пожизненный, чем большее число служилых варягов срачивалось с феодализирующейся местной дружинной средой, тем ощутимее становятся в погребальной обрядности пришельцев отступления от принятых на Севере норм. Так, в Ладогe скандинавская ингумация в ладье оказалась «впущенной» в верхнюю часть типичного для новгородчины кургана — «сопки», а погребальные камеры дощато-столбовой конструкции во многих случаях заменяют обычные для здешних мест срубы.

Не позднее рубежа IX—X веков окончательно оформляется сложный погребальный ритуал славяно-варяжской дружинно-торговой верхушки, детально описанный Ахмедом-ибн-Фадланом и представленный археологическими материалами «больших курганов» Гнездовского могильника. Здесь элементы «викингской» обрядности соединились с теми, что выработаны на месте.

Практиковалось предварительное камерное захоронение, затем облаченного в лучшие одежды или доспехи покойника и умерщвленную женщину в праздничном наряде кремировали в установленной на подсыпке ладье. Останки помещали в урны, возле которых втыкали в землю мечи и копья, покрывая их затем шлемом или щитом. Рядом устанавливался котел с тушами жертвенных животных. Завершало ритуал возведение внушительной курганной насыпи...

Воину не пристало уходить из этого мира под слезы и стенакия женщин. В дорогу к палатам Одина его провожали громом ударов оружия по щитам и возгласами: «Прощай, викинг! Свидимся в Вальгалле!...».